

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

путешествій, приключеній, науки и литературы.

Контора журнала: Москва, Тверская, д. № 48. Тлф. 5-39-39. — Редакция: Пятницкая, д. № 81. Тлф. 3-62-58.

Гг. авторы, присылающіе свои рукописи въ редакцію, благоволять обязательно прилагать почтовые марки для отвѣта. Рукописи мѣнѣ печатнаго листа авторамъ не возвращаются; стихотворенія не принимаются и ни въ какую переписку по ихъ поводу ред. не входитъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверская, домъ № 48, въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина. За перемѣну адреса уплачивается городскими и иногородними подписчиками 30 коп. почтовыми марками. Отдѣльный № журнала 10 к., съ книгой — 50 к. (съ перес.).

о о о УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ въ 1917 г. о о о
50 №№ журнала, 36 книгъ I серия полного иллюстрированнаго собранія сочиненій Жюль Верна, 12 №№ иллюстр. ежемѣсячника Журналъ Приключеній и 12 вып. иллюстрированнаго руководства общественнаго и практическаго самовоспитанія молодежи по системѣ „скаутингъ“, сочиненіе Р. Баденъ Поуэля.
Подписная цѣна со всѣми приложеніями, безъ дѣленія на обонемента, на годъ **14 р.** Допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ, 5 р. къ 1 апрѣля и 4 р. къ 1 июля.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ журналъ „Вокругъ Свѣта“ по 80 коп. за строку нонпарели позади текста и 1 руб. впереди принимаются въ Москвѣ — въ конторѣ журнала: Тверская, домъ Т-ва И. Д. Сытина, № 48; въ Петроградѣ — въ конторѣ объявленій Дальстремъ, Екатеринбургскій каналъ, 27 и въ книжномъ магазинѣ Т-ва И. Д. Сытина: Невскій, 68.

ВЪ ГОСТЯХЪ У КОРОЛЯ-НЕПТУНА.

Изъ путевыхъ замѣтокъ Н. Толстого. (Окончаніе. См. № 31).

Механизмъ плавающего дворца. — Каменные якоря. — Электричество, добываемое руками. — Рыбы-санитары. — Ночь въ джунгляхъ. — Бенгальскій тигрь. — Танцующая головня. — Слоны и тигрь. — Бодрствующая страна. — Возвращеніе въ царство Нептуна. — Музыка на днѣ озера. — Лунная ночь подъ водой. — Сны подъ вліяніемъ гашиша. — Насильственный туалетъ. — Гимнастика. — Четверорукий учитель. — Видъ на окрестности съ вышки. — Купанья въ озерѣ. — Дивертиментъ. — Живой подарокъ.

А не предпочитаете ли вы ночь провести въ джунгляхъ, чѣмъ возвращаться въ душный городъ? — спросилъ меня Сіамскій принцъ.

— Еще бы, — отвѣтилъ я съ восхищеніемъ. — Что можетъ быть пріятнѣе? Но теперь еще рано, всего семь часовъ вечера, и ночь такая прохладная и ароматная. Не покатайся ли намъ еще немного по озеру, а вы тѣмъ временемъ мнѣ кое-что расскажете объ образѣ жизни и обычаяхъ вашего царственнаго родителя и о его волшебномъ дворцѣ?

— Къ вашимъ услугамъ, — сказалъ тотъ, — спрашивайте, и я готовъ отвѣчать.

— Начнемъ съ дворца. Во-первыхъ, почему онъ плаваетъ?

Принцъ расхохотался.

— Конечно, потому что онъ легче воды!

— Но тогда почему онъ тонетъ?

Новый смѣхъ, еще добродушнѣе.

— Неужели для васъ это кажется непонятнымъ? Тонетъ потому, что онъ становится тяжелѣе. Вотъ и все!

— Въ него выпускаютъ воду? — спросилъ я.

— Дѣло гораздо проще. Никакой воды въ него не напускаютъ и изъ него не выпускаютъ. Его уравниваютъ каменные якоря, гранитныя глыбы въ тонну вѣсомъ каждая, которыя, будучи подняты на цѣпяхъ, заставляютъ его опускаться подъ поверхность воды, но

не на самое дно, иначе онъ не могъ бы передвигаться. Чтобы подняться надъ водой, достаточно опустить эти якоря на дно и постепенно ослабить канаты. Они настолько длинны, что позволяютъ дворцу совершенно

свободно плавать на поверхности, удаляясь на значительное разстояніе отъ того мѣста, гдѣ якоря брошены. Впрочемъ, всегда можно перетянуть, не опускаясь въ воду, всѣ эти якоря на новое мѣсто, только, конечно, по одиночкѣ. При этомъ дворецъ будетъ поворачиваться до тѣхъ поръ, пока всѣ якоря не будутъ переставлены на новое мѣсто.

— А что заставляетъ дворецъ двигаться? Электричество? Паръ.

— Ни то ни другое. Весла!

— А подъ водой?

— И подъ водой весла. Человѣческій трудъ! Люди же приводятъ въ движеніе руками машины, доставляющія электричество лампочкамъ!

— И воду фонтанамъ?

— Нѣтъ, вода бьетъ отъ естественнаго давленія стихій, въ которую погружены дворцы. А когда бассейны переполняются, ихъ вычерпываютъ ведрами и выливаютъ наружу.

— Точно такъ же выливаютъ на берегу въ особыя ассенизаціонныя ямы жидкіе кухонные и домашніе отбросы, а сухіе выбрасываютъ въ озеро, гдѣ ихъ пожираютъ рыбы, играющія роль ассенизаторовъ. Несмотря на

Черезъ хрустальный потолокъ моего жилища я гдѣлъ жизнь подеднаго царства.

то, что отбросы всякого рода хранятся въ подвалахъ дворца все время, пока онъ подъ водой, запаха отъ нихъ не чувствуется. Король въ этомъ отношеніи страшно брезгливъ и не выноситъ зловонія. Достигается это тѣмъ, что всѣ нечистоты обильно заливаются водой, которая, какъ и трудъ человѣка, здѣсь въ расчетъ не принимаются. Вы не обратили вниманія на вентиляцію? Дворецъ ежедневно подымается послѣ восхода солнца изъ воды и провѣтривается насквозь естественной тягой воздуха. Но внутри, когда дворецъ подъ водой, воздухъ очищается растеніями днемъ, а ночью выступающими на поверхность озера расpirаторами. Особые трубочки съ воздухомъ проведены въ бассейны и аквариумы, гдѣ вентиляція дѣйствуетъ автоматически, благодаря давленію воды на резервуары съ воздухомъ. Прислуга раздѣлена на двѣ смѣны, но нѣкоторыя работы исполняются совмѣстно.

Становилось уже поздно, и мы подъѣхали къ берегу и вышли на поляну, гдѣ при помощи лодочника разложили костеръ изъ сухихъ травъ и бамбуковыхъ палокъ. Въ лодкѣ оказалось два гамака, которые были подвѣшены къ стволамъ пальмъ на высотѣ одной сажени отъ земли. Малаецъ остался дежурить у костра, но, должно-быть, задремалъ, такъ какъ огонь погасъ, чего я сразу не замѣтилъ, такъ какъ заснулъ.

Вдругъ послышался гдѣ-то очень близко ревъ какого-то звѣря, который насъ разбудилъ. Малаецъ проснулся тоже и бросился раздувать тлѣющую головню. Но въ эту минуту земля задрожала отъ топота, какая-то масса, которую при свѣтѣ звѣздъ едва можно было различить, нагнулась на насъ, головня выскочила изъ рукъ малайца и стала описывать въ воздухѣ огненные круги такого гигантскаго размѣра, что я тотчасъ же сообразилъ, что ея машетъ слонъ. Еще одинъ мигъ, и она запыхала дѣйствительно въ хоботѣ у слона. При этомъ тускломъ свѣтѣ я увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ насъ великолѣпный экземпляръ бенгальскаго тигра, притаившагося и прижавшагося къ землѣ и не сводящаго глазъ со своего противника.

Слонъ махнулъ пылающей головней въ сторону тигра, и звѣрь, поджавъ хвостъ, какъ виноватая кошка, съ злобнымъ рычаніемъ уползъ.

— Если бы не слонъ, намъ бы пришлось плохо, — сказалъ принцъ. Но онъ не успѣлъ договорить. Слонъ понесъ головню къ принцу и ткнулъ его ею въ спину, затѣмъ, бросивъ ее, вывалилъ насъ обоихъ изъ гамаковъ и, указавъ хоботомъ на лодку, далъ понять, чтобы мы немедленно отсюда удалились. Малаецъ еще прежде насъ вскочилъ въ лодку, и мы послѣдовали его примѣру, радуясь, что отдѣлались такъ дешево.

Мы направились къ выходу въ каналъ, но стража на этотъ разъ не спала и насъ не пропустила: послѣ 9 часовъ вечера и до утра перехода не было, и каналъ ограждался цѣпами и проволоочной сѣткой.

— Вернемся во дворецъ, — сказалъ принцъ, — и расскажемъ королю о нашихъ приключеніяхъ. Онъ будетъ очень смѣяться и, конечно, будетъ радъ, что мы къ нему вернулись. Иначе намъ придется до утра тутъ оставаться!

Принцъ вынулъ изъ кармана свистокъ и издалъ продолжительный свистъ. Минуту спустя поверхность озера освѣтилась, и изъ нея сталъ выплывать фантастическій дворецъ, къ которому мы и подъѣхали. Насъ встрѣтили нѣсколько встревоженныхъ слугъ, которые провели насъ въ кабинетъ короля. Безъ всякаго этикета король обнялъ сына, и тогда тотъ сталъ рассказывать о нашемъ приключеніи. Встревоженное лицо короля сразу приняло спокойный видъ. Онъ обратился ко мнѣ съ приветливой улыбкой и сказалъ:

— Очень радъ, что опять вижу васъ у себя, сэръ. Ваше приключеніе болѣе комично, чѣмъ трагично. Тигръ

вамъ бы все равно никакого вреда не сдѣлалъ. Это мой ручной тигръ, потому-то онъ такъ скоро и убѣжалъ. Странно, что принцъ не узналъ его, но еще удивляюсь его неблагодаримости, что онъ выбралъ для ночлега поляну слоновъ, на которую они, кромѣ меня, никого не допускаютъ. А теперь милости прошу ко мнѣ въ «павильонъ отдохновеній»: тамъ мы будемъ слушать музыку и пить чай, до котораго, я слышалъ, русскіе такіе же охотники, какъ и китайцы.

«Павильономъ отдохновеній» называлась курительная комната, въ которой были гамаки и мягкія кресла, ковры изъ козьего пуха, столики съ ящиками сигаръ и освѣжающими напитками.

Послышались звуки оркестра. Прислушавшись, я узналъ что-то знакомое.

— Это изъ «Африканки», — сказалъ король, — это моя любимая опера. — Итакъ, на днѣ озера мы слушали Мейербера!

На одномъ изъ столиковъ съ перламутровыми инкрустаціями стояла шахматная доска съ фигурами изъ серебра и золота. Король предложилъ мнѣ сыграть съ нимъ партію. Я сознался, что не силенъ въ этой игрѣ, и потому откланялся, и онъ сталъ играть съ принцемъ.

— Впрочемъ, — сказалъ онъ, — у меня тутъ имѣется на выборъ болѣе ста различныхъ игръ: шашки, домино, лото, хальма, гусекъ, карты для пасьянса и для гаданья, кости и разнаго рода головоломки. По правдѣ сказать, я это держу для своихъ гостей, чтобы они не скучали, а самъ люблю только шахматы и рулетку: мнѣ нравится составлять комбинаціи и системы всякаго рода!

Принесли чай, заваренный по-китайски въ маленькихъ круглыхъ чашкахъ съ крышками. Отдѣльно на золотыхъ тарелкахъ поданы были лакомства: засахаренные фрукты, кусочки сахарнаго тростника, варенье изъ лепестковъ розъ. Все это на перламутровыхъ подносахъ разставили слуги въ ярко-красныхъ, расшитыхъ золотомъ костюмахъ.

Прошло 12 часовъ ночи. Король бросилъ игру, оркестръ тотчасъ же замолкъ.

— Дорогой гость, — обратился хозяинъ ко мнѣ, — васъ ждетъ ночлегъ въ «павильонѣ мудрости» (это означало библіотеку). Я велѣлъ приготовить вамъ теплую ванну изъ розовой воды съ эссенціей цвѣтовъ лотоса. Завтра утромъ я вамъ рекомендую окунуться въ бассейнъ морской воды, свѣжій запахъ которой мнѣ доставляется ежедневно. А теперь доброй ночи!

Прежде, чѣмъ лечь, я принялъ ароматную ванну и окунулся въ пѣну душистаго лotosоваго мыла, понятія о которомъ европейцы не имѣютъ, такъ какъ оно составляетъ секретъ браминовъ и привилегію королей и принцевъ. Въмѣсто полотенца мнѣ была подана необычайно мягкая сухая губка, которая быстро осушила тѣло...

Послѣ этого мнѣ была подана другая губка, напитанная какимъ-то растительнымъ пахучимъ масломъ, но я отказался ея воспользоваться. Тогда, несмотря на мое сопротивленіе, банщики-малайцы, ничего не говоря и улыбаясь во весь ротъ, схватили меня за руки и насильно всего ею обтерли. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать: сердиться или смѣяться? Должно-быть, это дѣлается въ этомъ климатѣ, чтобы кожа не трескалась. Затѣмъ меня облекли въ просторный шелковый халатъ.

Послѣ ванны меня провели въ библіотеку, гдѣ на полу мнѣ была постлана мягкая постель изъ ковровъ, но съ чрезвычайно жесткими подушками. На маленькомъ столикѣ рядомъ мнѣ поставили приборъ для куренья и миниатюрную чашечку съ эвкалиптовымъ сиропомъ, который я тотчасъ же узналъ по запаху. Я хотѣлъ было почитать, но малайцы выключили электричество.

Вмѣсто мрака павильонъ наполнился голубоватымъ луннымъ свѣтомъ, проникавшимъ извнѣ, черезъ хру-

стальные стѣны моего подводнаго жилища. Я видѣлъ сквозь эти стѣны, какъ подъ мягкими лунными лучами оживали кораллы, цвѣли анемоны, дышали губки и протягивали щупальцы спруты. И въ то же время черезъ другую стѣну на меня въ упоръ смотрѣли большія причудливыя рыбы, и цвѣтъ воды сквозь призму лунныхъ лучей казался не бирюзовымъ, а лазурнымъ.

Долго не могъ я уснуть, любяся на это подводное царство, среди котораго мнѣ пришлось такъ неожиданно провести ночь, и не могъ оторвать глазъ отъ волшебнаго зрѣлища. Надо мной, надъ куполомъ, была тоже вода, и тоже мелькали рыбки, какъ темныя тѣни на матовомъ фонѣ освѣщенной луной воды.

Наконецъ я рѣшился сомкнуть глаза, или, вѣрнѣе, глаза мои сомкнулись сами, помимо моего желанія, и я уснулъ.

Должно-быть, въ чашку эвкантипта были примѣшаны какія-то экзотическія зелья. Грезы, одна другой фантастичнѣе и чудеснѣе, одолѣвали мной, смѣнялись, чередовались, граничили съ дѣйствительностью и превращались въ сновидѣніе.

То мнѣ казалось, что я про-
никаю въ самыя нѣдра океана
и вообще вижу всѣхъ обитателей
морскихъ глубинъ и такъ явст-
венно, что могъ бы хоть сейчасъ
описать каждое изъ видѣнныхъ
мною чудовищъ, каждый каме-
шекъ, каждое растеніе! То я
вдругъ ощущалъ невыразимую
легкость во всемъ организмѣ,
подымался въ міровое простран-
ство, и земля мнѣ казалась не-
большимъ глобусомъ, на кото-
ромъ я ясно и во всѣхъ деталяхъ
различалъ покинутыя мною стра-
ны. То я опускался опять на
землю и, ставъ на берегу оке-
ана, однимъ взглядомъ обни-
малъ цѣлое полушаріе нашей
планеты и видѣлъ одновременно
и Китай, и Сіамъ, и Австралію,
и Полинезійскіе острова, и Кор-
дильеры и удивлялся, какъ все
это другъ отъ друга близко...

Я слышалъ чудные звуки ка-
кой-то неземной чарующей му-
зыки, которая ласкала мой
слухъ и убаюкивала мои чув-
ства. Мнѣ представлялись залитые солнцемъ ланд-
шафты, одни—знакомые, разбуженные въ мозгу воспо-
минаніями, другіе незнакомые, навѣянные гипнозомъ
или наркотикомъ, можетъ-быть, тѣмъ и другимъ вмѣ-
стѣ, вѣрнѣе дѣйствіемъ перваго подъ расслабляю-
щимъ вліяніемъ втораго. То я чувствовалъ, что падаю,
то ныряю, то летаю, то увеличиваюсь въ ростѣ, то те-
ряю всякое представленіе о пространствѣ и времени и
при этомъ сохраняю сознаніе своего существованія и
наслаждаюсь этимъ ощущеніемъ; то погружаюсь въ
сладкое небытіе, въ нирвану, съ ощущеніемъ покоя и
умиротворенія чувствъ. То я видѣлъ себя окружен-
нымъ ласковыми и улыбающимися лицами прекрасныхъ

жено искусственное дерево, съ котораго спускались толстыя кокосовыя веревки. Лазать по деревьямъ было всегда моею страстью, и я, помня урокъ съ губкой, не сталъ дожидаться, чтобы меня погнали наверхъ насильно, живо вскарабкался на гимнастику и съ удовольствіемъ провелъ нѣсколько времени въ этомъ занятіи, соперничая съ ручной обезьяной короля, которая взялась быть въ этомъ дѣлѣ моимъ учителемъ, и показала нѣсколько неизвѣстныхъ мнѣ трюковъ, которые я, къ сожалѣнію, перенять оказался неспособнымъ.

— Что это вы тамъ дѣлаете?—раздался снизу голосъ принца.—Верете уроки у макаки? Идите скорѣй внизъ упражняться гириями и фехтовать! Я вамъ покажу нашъ особый выпадъ, такъ называемый китайскій ударъ!

Я слѣзъ и въ продолженіе получаса занимался съ принцемъ гириями и фехтованіемъ, послѣ чего готовъ былъ хоть снова брать ванну. Ударилъ гонгъ, и мы отправились въ столовую, гдѣ намъ былъ поданъ брекфестъ на англійскій манеръ: овсяная похлебка на молокѣ,—молоко оказалось дикихъ козъ, коровьяго ни китайцы, ни индѣйцы, ни индо-китайцы не употребляютъ; жареная камбала, морская курочка, фрукты и кофе съ молокомъ газели и миндальными сливками.

Король не появлялся, онъ завтракалъ у себя.

— Теперь мы подыдемся наверхъ, на куполь, — промолвилъ принцъ, — дворецъ каждое утро, какъ я вамъ сказаль, выплываетъ наружу, и мы возобновимъ нашъ запасъ воздуха.

Мы поспѣшили взойти на верхъ, пока подъемъ еще не начинался, иначе подыматься было бы труднѣе (такъ какъ ступени уходили бы отъ насъ вверхъ). Съ купола лился изобильный свѣтъ отъ преломленныхъ лучей солнца. Мы миновали балконъ и поднялись по узкой лѣсенкѣ въ самый тамбуръ надъ куполомъ, и только что мы въ немъ усьѣлись, какъ онъ выступилъ изъ воды, а принцъ поспѣшилъ открыть окна и на насъ пахнулъ свѣжій утренній вѣтерокъ.

Надъ озеромъ неслись лебеди, изъ лѣса раздавалось пѣніе птицъ, и все пространство было обильно утреннимъ ликованіемъ природы.

— Хотите выкупаться въ озерѣ?—спросилъ принцъ, — только подождемъ, когда подъемъ кончится, а пока наблюдайте, какъ по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подыматься, будетъ развѣртываться панорама берега.

Принцъ протянулъ мнѣ бинокль, и я сталъ осматривать окрестности. Признаюсь, никогда въ жизни не видалъ я болѣе очаровательной картины! На сѣверѣ вдали возвышались покрытыя тропической зеленью горы—хребетъ Донгъ-Пая-Пая. На сѣверо-западѣ синей лентой выступала на равнинѣ рѣка Мэнамъ, а когда мы сами поднялись повыше, то въ бинокль я усмотрѣлъ цѣлый городъ съ золотыми, блестящими на солнцѣ куполами, дворцами и башнями причудливой индѣйской архитектуры.

— Это Крунгъ-као, — сказаль принцъ, — наша древняя столица, Аютія, какъ ее зовутъ европейцы.

На востокъ было больно смотрѣть, отсюда сіяло солнце; на югѣ виднѣлся густой тропическій лѣсъ, а на западѣ вдали синѣли горы Малаккесскаго хребта.

Тѣмъ временемъ дворецъ выплылъ весь наружу, мы спустились на террасу, съ террасы къ самой водѣ и, сбросивъ одежды, окунулись въ прохладныя струи озера. Я нѣсколько разъ нырялъ и пробовалъ подплывать къ основанію дворца, но ничего не могъ разглядѣть, кромѣ покрытыхъ ракушками и заросшихъ водорослями стѣнъ.

Тогда я бросилъ свои попытки и выплылъ на поверхность озера, гдѣ и продолжалъ купаться, пока принцъ не напомнилъ мнѣ, что дворецъ скоро начнетъ погружаться въ воду, и что намъ пора въ него возвратиться.

Когда мы поднимались къ балкону, на немъ оказался король, привѣтливо пожелавшій намъ добраго утра, и спросившій не безъ усмѣшки, какъ я провелъ ночь.

Мы немного постояли съ нимъ на балконѣ и я по его просьбѣ разсказаль ему о своихъ сновидѣніяхъ. Онъ внимательно меня слушалъ, и когда я высказаль предположеніе, что былъ подъ вліяніемъ гашиша, онъ утвердительно кивнулъ головой. Затѣмъ онъ приказаль начать спускъ, и всѣ тогда вернулись подъ стеклянный сводъ, гдѣ меня ожидало новое зрѣлище.

По приказанію ли короля или просто по забывчивости, а, можетъ-быть, никто не зналъ, что мы съ принцемъ открыли въ тамбурѣ окна, когда дворецъ опустился до уровня озера, сверху потекли потоки воды, грозя залить помѣщеніе.

Впрочемъ, никто не тревожился, что дало мнѣ поводъ думать, что это было сдѣлано умышленно. Потоки падали въ бассейны, а брызги летѣли во всѣ стороны. Перепуганныя райскія птички и маленькіе зеленые попугайчики, которыхъ я до сихъ поръ не замѣчалъ, принялись кружиться вокругъ столба падающей воды. Но вотъ король махнулъ рукой, и каскады прекратились.

Король пригласилъ насъ ко второму завтраку, состоявшему изъ холодныхъ блюдъ и чашки горячаго шоколада, приготовленнаго на европейскій манеръ съ сахаромъ. Послѣ завтрака былъ намъ предложенъ дивертисментъ. Король хотѣлъ очевидно, похвастаться искусствомъ и ловкостью своихъ сіамцевъ. Программа состояла изъ сеанса жонглированія, эквалибристики и престижитации съ мелкими предметами, которые исчезали и появлялись вновь въ рукахъ фокусниковъ на глазахъ у всѣхъ.

Послѣ того былъ сервированъ чай съ разнаго рода сластями, а затѣмъ гостепріимный хозяинъ съ нами милостиво простился, велѣлъ своему дворцу подняться, и самъ вышелъ на балконъ проводить насъ. Когда мы отѣхали, дворецъ тотчасъ же снова погрузился въ воду, и когда я, обернувшись, хотѣлъ въ послѣдній разъ взглянуть на это восьмое чудо свѣта, то ничего не увидѣлъ, кромѣ гладкой зеркальной поверхности озера.

Принцъ доставилъ меня въ Банкокъ, подарилъ мнѣ на память пару ручныхъ попугаевъ, которыхъ я благополучно довезъ до Россіи, затѣмъ проводилъ меня на пристань, гдѣ на мое счастье въ тотъ же вечеръ пароходъ французской компаніи отправлялся въ Марсель. За часъ до заката пароходъ снялся съ якоря, и я простился навѣкъ съ этой волшебной и гостепріимной страной.

ЖИЗНЬ КУЛЬТУРНОЙ АВСТРАЛИИ.

Сидней и его гавань.— Университет.— Въ поселкѣ австралийскихъ дикарей.— Въ поселкѣ бѣлыхъ австралийцевъ.— Въ Голубыхъ горахъ.— Сталактитовыя пещеры.— Австралийскія желѣзныя дороги.— Молодой культурный центръ— городъ Брисбенъ.— Природа штата Квинслендъ.— Платанціи сахарнаго тростника и ананасовъ.— Великій океанъ.— Прощаніе съ Австраліей.— Австралийскій гимнъ.— «Божій даръ, Австралія».

Шестого августа мы выѣхали въ Сидней. Опять пришлось провести ночь въ вагонѣ. Утромъ мы очутились въ громадномъ вокзалѣ. До гостиницы «Австралія», въ которой мнѣ было приготовлено помѣщеніе, пришлось ѣхать по центральнымъ улицамъ города. И эта часть Сиднея, со сплошнымъ рядомъ высокихъ зданій совершенно европейскаго стиля, очень напоминала Мельбурнъ. Но когда потомъ мнѣ пришлось поѣздить по окраинамъ города и увидѣть его гавань, я понялъ, что дѣйствительно можно считать Сидней однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ міра.

Портъ Джексонъ, на высокихъ берегахъ котораго раскинутъ Сидней, считается лучшей гаванью въ мірѣ. Глубокими извилистыми потоками врѣзается весь восточный берегъ Австраліи въ Великій океанъ. Отъ входа въ гавань до центральной пристани на большомъ пароходѣ приходится ѣхать около часа. Изъ этого уже можно видѣть, что такое портъ Джексонъ. Высокіе берега, съ выступающими наружу пластами каменныхъ глыбъ, покрыты разнообразной зеленью, среди которой все выше и выше громоздятся дома. Благодаря глубинѣ своихъ заливовъ, Сиднейская гавань даетъ возможность даже большимъ океанскимъ пароходамъ подходить къ самому берегу. А вокругъ береговъ уже раскинулся городъ. Поэтому въ Сидней, гуляя по улицамъ, нерѣдко чуть не у самаго тротуара можно видѣть большіе пароходы. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла пароходное сообщеніе внутри города развито, пожалуй, еще больше, чѣмъ трамвайное. Пароходами, между прочимъ, пользуются въ Сидней и для пожарныхъ цѣлей.

На одномъ изъ береговъ гавани красиво раскинулся большой ботаническій садъ со своими пальмами, эвкалиптами и миртами. Недалеко отъ него возвышается зданіе художественной галлерей. Эта галлерей самая обширная во всей Австраліи, и коллекціи собранныхъ тамъ картинъ и фотографій лучше всего могутъ быть приспособлены для учебныхъ цѣлей. Здѣсь же наиболѣе богато представлены образцы австралийской живописи.

Вблизи ботаническаго сада поставленъ рядъ памятниковъ выдающимся дѣятелямъ Австраліи. Однако они, какъ и другіе австралийскіе монументы, не отличаются особымъ художественнымъ вкусомъ, и въ этомъ отношеніи

памятникъ знаменитому капитану Куку можетъ служить типичнымъ примѣромъ. Точно такъ же и вся архитектура домовъ въ Австраліи не поражаетъ богатствомъ архитектурнаго воображенія. Видно, что при ихъ постройкѣ больше думали о внутреннемъ удобствѣ, чѣмъ о внѣшней

красотѣ. Зданіе почты, парламента, казначейства, національный музей, больница и школа, — все это сразу производитъ на васъ впечатлѣніе чего-то много разъ видѣннаго, чего-то сдѣланнаго по очень ходкому шаблону. Нѣкоторые исключенія составляютъ университеты, изъ которыхъ каждый по своей постройкѣ представляетъ все-таки нѣчто индивидуальное.

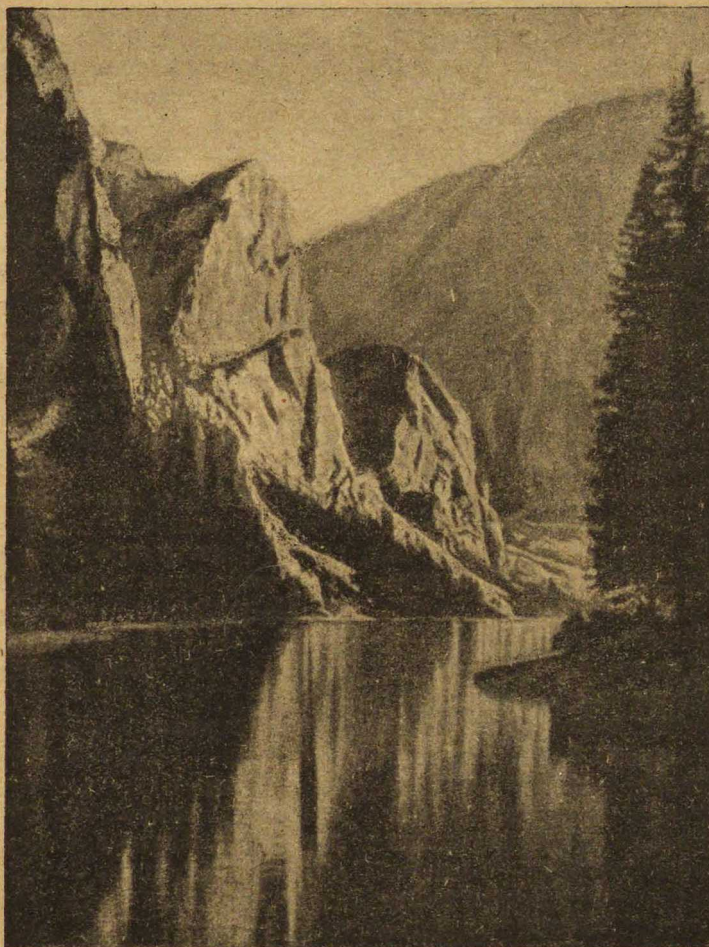
Сиднейскій университетъ расположенъ на холмѣ среди большого сада. Главное зданіе, вмѣщающее въ себѣ канцелярію, актовъ залъ, библиотеку и дѣкоторыя аудиторіи, построено въ готическомъ стилѣ. Рядъ другихъ зданій, предназначенныхъ для различныхъ факультетовъ и даже отдѣльных каедръ, раскинутъ по отдѣльнымъ лугамъ университетскаго парка. По примѣру английскихъ университетовъ, и здѣсь каждый профессоръ имѣетъ свой особый кабинетъ со специальной библиотекой и примыкающей къ нему аудиторіей.

Улицы Сиднея очень оживлены. Обычная суета большого города въ то время, когда я тамъ былъ, еще усиливалась событіями войны. По нѣсколько разъ въ день выходили газеты, и продавцы на разные голоса выкрикивали наиболѣе эффектные заголовки телеграммъ. А, кромѣ того, приближалась весна, и на площадяхъ шла бойкая торговля цвѣтами.

Вечеромъ оживленіе на улицахъ города становится сильнѣе. Около 8-ми часовъ появляется масса гуляющихъ, театры и кинематографы начинаютъ работать.

Въ большихъ театрахъ тамъ можно услышать оперу, увидѣть историческую драму, современную комедію, оперетку. Репертуаръ обыкновенно идетъ изъ Англіи, хотя имѣются собственные драматурги и композиторы. Мнѣ удалось побывать нѣсколько разъ въ сиднейскихъ театрахъ, послушать хорошихъ пѣвцовъ и увидать игру такихъ артистовъ, которыми могла бы гордиться любая европейская сцена.

Кромѣ большихъ театровъ, въ Сидней встрѣчается много маленькихъ театриковъ, гдѣ показываютъ разнаго

Рѣка въ Голубыхъ горахъ.

рода рѣдкости, въ родѣ большихъ обезьянъ, или кинематографы. Имѣются также особыя залы, гдѣ за небольшую плату можно потанцовать подъ хорошей оркестръ музыки, въ совершенно приличной, почти семейной обстановкѣ.

Строя всю свою жизнь на трудѣ, австралійцы умѣютъ и веселиться. Впрочемъ, когда мы были въ Сидней, атмосфера вечерняго веселья на улицахъ Сиднея часто нарушалась воспоминаніемъ о войнѣ, раздавалась музыка, являлись украшенные флагами автомобили, и дамы съ повязками краснаго креста начинали сборъ денегъ на раненыхъ.

Для знакомствъ съ окрестностями Сиднея я сдѣлалъ три поѣздки: двѣ небольшія и одну двухдневную, въ Голубыя горы и сталактитовыя пещеры.

Въ поселокъ дикарей мы поѣхали трамваемъ. Отъ центра города надо было ѣхать около часа. Порѣдѣли дома. Все чаще и чаще стали появляться сады. Открылись большіе луга, гдѣ такъ удобно заниматься разнообразнымъ спортомъ. Показались загородные парки. А вагонъ трамвая все еще двигался дальше. Мелькнули больницы, потянулись бѣлые палатки загороднаго лагеря, раскинулись пашни и фермы. А вагонъ шелъ дальше.

Наконецъ, мѣстность стала приобрѣтать довольно дикій видъ. Не было видно ни пашенъ, ни обработанныхъ дорожекъ. Повсюду торчали только безпорядочныя вѣтки кустарника. Въ этомъ мѣстѣ была построена тюрьма, и осужденные работали, подготавливая землю подъ посѣвъ.

Наконецъ, и тюрьма осталась далеко позади. Нашъ вагонъ отхваталъ еще порядочное пространство и остановился недалеко отъ какой-то изгороди. Это была граница, за которой жили аборигены.

Войдя въ изгородь, мы очутились на склонѣ небольшой возвышенности. Среди дикихъ деревьевъ, по сторонамъ широкаго луга было раскинуто нѣсколько маленькихъ домиковъ съ крошечными палисадниками. Конечно, въ сравненіи съ лѣсными шаламами, эти жилища должны были казаться очень удобными, но самый плохой домикъ австралійскаго шахтера, по сравненію съ постройками этого поселка, былъ настоящимъ дворцомъ.

Около домиковъ на протянутыхъ веревкахъ и деревьяхъ сушилась одежда. Невдалекѣ бродили коровы, на лужайкѣ играли чернолицыя дѣти въ легкихъ рубашонкахъ и нѣсколько женщинъ съ туповатымъ выраженіемъ на толстыхъ губахъ возились съ грудными младенцами. При входѣ въ одинъ изъ домиковъ стояла смуглая дѣвушка съ черными жесткими волосами, босикомъ, въ бѣдномъ платьѣ европейскаго покроя. Она предложила намъ войти въ домъ, гдѣ на небольшомъ столѣ было выставлено нѣсколько бездѣлушекъ, украшенныхъ морскими раковинами.

Дѣвушка продавала эти вещи, и мы взяли на память нѣсколько саножковъ для часовъ, коробочекъ и тому подобныхъ пустяковъ. Дѣвушка недурно говорила по-англійски, такъ какъ окончила устроенную у нихъ въ поселкѣ специальную элементарную школу. Выдѣлываніе вещей изъ раковинъ въ настоящее время составляетъ ея единственный доходный промыселъ.

По выходѣ изъ этого домика мы увидѣли передъ собой австралійскаго аборигена въ дешевенькомъ лѣтнемъ костюмѣ и мягкой шляпѣ, который предложилъ намъ купить бумерангъ. Въ свою очередь, мы попросили его показать, какъ слѣдуетъ его метать. И вотъ здѣсь-то мнѣ удалось увидѣть удивительное зрѣлище полета бумеранга, описавшаго въ теченіе 4½ минутъ непрерывнаго пребыванія въ воздухѣ три полныхъ круга и упавшаго почти къ самымъ ногамъ бросившаго его дикаря.

Выдѣлываніе бумеранговъ составляетъ также скромную доходную статью аборигеновъ, но въ общемъ жизнь ихъ не очень весела, и, пожалуй, при современныхъ условіяхъ существованія, они давно погибли бы въ своихъ

поселкахъ, если бы имъ не оказывало нѣкоторой материальной помощи австралійское правительство.

Совсемъ другую картину представляютъ собою пригородныя мѣста Сиднея, гдѣ живутъ не черные аборигены, а бѣлые пришельцы Австраліи. Тамъ расположился рядъ красиво построенныхъ двухэтажныхъ домовъ съ тѣсными садами и пестрыми цвѣточными клумбами. Здѣсь же высятся свѣтлыя школы и грандіозныя водоемы. Въ одномъ изъ такихъ уголковъ подъ Сиднеемъ рѣшилъ завести свой домикъ профессоръ педагогики Макки. Однажды мы были приглашены на небольшой пикникъ въ эту мѣстность.

Проѣхавъ около полчасъ по желѣзной дорогѣ, мы рѣшили слѣзть на одну станцію раньше, чѣмъ слѣдовало, для того, чтобы побродить пѣшкомъ по лѣсу. Это была отличная прогулка. Дорога очень напоминала собою наши глухіе проселки въ лѣсистыхъ частяхъ сѣверо-западныхъ губерній. Временами встрѣчались довольно глубокіе овраги, сплошь поросшіе лѣсомъ. Порой попадались такіе же лѣсистые холмы со множествомъ свистящихъ птицъ. На участкѣ земли профессора Макки постройка еще не началась, и мы только слушали мечты хозяевъ о томъ, какой видъ будетъ имѣть ихъ домикъ.

Усѣвшись на стволѣ упавшаго эвкалипта, мы заварили чай и закусили. Здѣсь же по сосѣдству оказался домикъ, принадлежащій другому знакомому намъ университетскому профессору. Мы зашли туда и подробно осмотрѣли всю постройку. Домъ былъ типично австралійскій, т. е. идеально чистый, съ массой свѣта и всеми приспособленіями для удобной домашней жизни, съ красивой и уютной обстановкой, но безъ всякихъ признаковъ рѣзкой, бросающейся въ глаза роскоши. Она въ Австраліи не въ модѣ.

Какъ ни хороши окрестности Сиднея, но въ нихъ есть одинъ большой недостатокъ: нѣтъ воды. Это безводіе дѣлаетъ австралійскій пейзажъ нѣсколько мертвымъ. Отсутствие воды особенно было досадно во время нашихъ большихъ экскурсій въ Голубыя горы.

Если бы тамъ протекали рѣки и заблистали озера, то это было бы однимъ изъ самыхъ красивѣйшихъ мѣстъ на землѣ.

Въ Голубыхъ горахъ я пробылъ двое сутокъ. За это время нашъ автомобиль измѣрилъ не одну сотню верстъ. Главная прелесть этой поѣздки состояла въ томъ, что, пользуясь всеми благами цивилизаціи, — прекрасной дорогой, удобнымъ экипажемъ и остановками въ хорошихъ гостиницахъ, — въ то же самое время можно было получать свѣжія впечатлѣнія отъ общенія съ дикой природой.

На протяженіи многихъ верстъ часто не попадалось ни одного человѣческаго жилья, изъ густыхъ лѣсовъ, тѣснившихся у самой дороги, выбѣгали стаи зайцевъ, по откосамъ скалъ иногда на нашихъ глазахъ карабкались маленькіе кенгуру, а надъ головами то и дѣло пролетали стаи красныхъ попугаевъ. Передъ нашими глазами живописныя группы прозрачно-лиственныхъ эвкалиптовъ, со своими излучистыми, блестящими какъ серебро стволами.

Временами дорога становилась очень узкой, поворачиваясь крутымъ изгибомъ вверхъ или спускаясь извилистой лентой книзу. Тогда, съ одной стороны, мы видѣли откосы горныхъ хребтовъ, густо поросшихъ разнообразной зеленью и цвѣтами, а съ другой — книзу широкими складками спускались верхушки темно-голубыхъ бархатистыхъ эвкалиптовъ.

Сплошь покрытыя этими деревьями съ ихъ ровными, точно стриженными шапками листьями Голубыя горы, въ особенности издалика, при яркомъ солнцѣ, кажутся какимъ-то страннымъ всплескомъ грандіозныхъ застывшихъ волнъ. Лѣсистые хребты тянутся за хребтами. За одной неподвижной волной голубоватой зелени виднѣютъ

ся новые гребни таких же застывших въ далекомъ туманѣ волнъ. Послѣднія очертанія сливаются совершенно съ горизонтомъ и кажутся легкой тѣнью самаго голубого неба. Я помню, какъ, свернувъ съ дороги, я неожиданно очутился на площадкѣ высокаго утеса. Внизу далеко подъ ногами во все стороны раскинулись вершины густого лѣса, а вдали одинъ за другимъ пропадаящими въ туманѣ складками уходили ряды голубыхъ хребтовъ. Помню, что тогда я насчиталъ 14 такихъ горныхъ цѣпей, казавшихся одной волшебной лѣстницей въ голубую туманную даль.

Въ Голубыхъ горахъ встрѣчается немало сталактитовыхъ пещеръ. Въ гостиницѣ, расположенной около самыхъ Jenolan Caves, мы провели ночь. Сталактитовыя пещеры тянутся здѣсь длинными рядами комнатъ, или непосредственно примыкающихъ одна къ другой или соединенныхъ узкими коридорами.

Величина отдѣльныхъ пещеръ очень различна: иногда передъ вами раскрывается прямо великолѣпный залъ, въ которомъ ряды спускающихся съ потолка бѣлыхъ сталактитовъ кажутся какими-то причудливыми мраморными люстрами, а иногда вы попадаете въ совсѣмъ маленькую комнату, по стѣнамъ которой лѣнятся совсѣмъ крошечныя сталактитовыя постройки, напоминающія игрушечные домики.

Цвѣтовые оттѣнки сталактитовъ чрезвычайно разнообразны. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ сталактитовыя массы бѣлы какъ снѣгъ; вамъ кажется, будто вы попали на сѣверъ, въ ледяныя глыбы. Другая комната вся отливаетъ розоватымъ свѣтомъ, и сталактитовыя колонны кажутся сдѣланными изъ тонкаго мрамора.

Къ сожалѣнію, впечатлѣніе отъ этихъ пещеръ сильно портится тѣмъ, что электрическое освѣщеніе въ нихъ устроено очень грубо.

Лампочки въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не скрыты отъ зрителей (хотя сдѣлать это было бы совсѣмъ нетрудно), и проводы рѣзко бросаются въ глаза. Кромѣ того, стѣны и болѣе красивые группы сталактитовъ отдѣлены отъ посѣтителей металлическими сѣтками, такъ что не знаешь, сталактиты ли находятся въ сѣткѣ, или ты самъ попалъ въ тюрьму. Осмотрѣвъ одинъ этажъ сталактитовыхъ пещеръ, можно спуститься въ другой и третій и, наконецъ, добраться до самаго дна, гдѣ, извиваясь между каменныхъ уступовъ, быстро бьетъ холодный ключъ.

Изъ Сиднея мы двинулись въ Брисбэнъ. Намъ предупредили, что на границѣ Квинслэнда установленъ санитарный осмотръ, и что поэтому необходимо въ Сиднеѣ заблаговременно заручиться соотвѣствующимъ медицинскимъ удостовѣреніемъ. Эти удостовѣренія членамъ конгресса безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей выдавались въ бюро сѣзда. Отъ Сиднея до Брисбэна больше сутокъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, и поэтому

намъ опять пришлось провести ночь въ вагонѣ. Впрочемъ, австралійскіе вагоны такъ удобны и спокойны, что этотъ переѣздъ несколько не былъ утомителенъ. Немного раздражало меня развѣ только устройство вагонныхъ умывальниковъ, специально приспособленныхъ для наиболѣе экономнаго пользованія водой, составляющей въ Австраліи порядочную драгоценность. Для того, чтобы получить тоненькую струйку воды изъ крана, нужно было или непрерывно работать съ небольшимъ наносомъ, или все время нажимать пальцемъ большую кнопку съ очень сильной пружиной. И то и другое доставляло очень мало удовольствія, и поэтому естественно хотѣлось довольствоваться самымъ скромнымъ количествомъ воды въ умывальной чашкѣ. Однако, несмотря на все эти затрудненія, къ утру все мы оказались не только вымытыми, но и чисто выбритыми.

По мѣрѣ приближенія къ Брисбэну, дорога становилась все болѣе и болѣе живописной. Растительность дѣлалась разнообразнѣе, все чаще стали попадаться пальмы. Среди горъ и густыхъ лѣсовъ показывались озера и рѣки. Нерѣдко пейзажъ оживлялся большими стадами крупнаго выхолоднаго рогатаго скота.

Въ Брисбэнъ мы пріѣхали, когда уже стемнѣло. Намъ подали высокіе маленькіе дилижансики, изъ которыхъ въ каждомъ могло помѣститься только по четыре человека. Лошади двинулись, и передъ нами потянулись улицы города. Между домами было много зелени, и у самаго тротуара высились тонкія пальмы. Вечерніе огни тихо выступали въ тепломъ сумракѣ. Пахло цвѣтами.

Гостиница, въ которой намъ было приготовлено помѣщеніе, оказалась очень уютной. На длинной верандѣ, примыкавшей къ самому тротуару, стоялъ рядъ удобныхъ широкихъ соломенныхъ креселъ, съ такими длинными ручками,

что на нихъ, по австралійскому обычаю, можно было съ удобствомъ положить ноги. Обширный вестибюль со столиками, покрытыми журналами и газетами, былъ почти совсѣмъ безъ оконъ и, очевидно, въ жаркіе дни являлся пріятнымъ убѣжищемъ. Во всехъ этажахъ къ коридорамъ примыкали балкончики, у которыхъ находились помѣщенія для ванны и душа.

Въ слѣдующіе дни мнѣ удалось поближе познакомиться съ Брисбэномъ и его окрестностями. Брисбэнъ и въ Австраліи считается молодымъ городомъ. Поэтому европейская цивилизація тамъ не успѣла пустить такихъ глубокихъ корней, какъ, напримѣръ, въ Сиднеѣ или Мельбурнѣ. Брисбэнскому университету всего только четыре года, и онъ пока не имѣетъ даже собственнаго зданія, занимая временно бывшій губернаторскій домъ.

Однако уже теперь возникаютъ особыя постройки для отдѣльныхъ лабораторій, и, конечно, черезъ немного лѣтъ здѣшній университетъ не будетъ уступать университетамъ другихъ австралійскихъ штатовъ.

Растительность въ Голубыхъ горахъ.

Развитіе науки австралійцы считаютъ такой же насущной необходимостью для правильнаго теченія народной жизни, какъ чистую воду и хорошія дороги. Этнографическій музѣй Брисбэна не хуже Аделаидскаго, но, конечно, уступаетъ Сиднейскому и Мельбурнскому; о картинной же галлерей не приходится и говорить — она совсѣмъ незначительна. Но что пріятно поражаетъ въ Брисбэнѣ, — это всюду пробивающаяся могучая природа. Здѣшній ботаническій садъ — самый богатый въ Австраліи. Тутъ можно видѣть самыя разнообразныя пальмы и сотни гигантскихъ тростниковъ, плотно прижавшихся другъ къ другу, широкіе стволы которыхъ съ трудомъ могутъ схватить четыре человека. Могучая природа Квинслэнда еще ярче развѣтывается при знакомствѣ съ Брисбэнскими окрестностями.

Изъ Брисбэна я сдѣлалъ двѣ экскурсіи: на плантаціи сахарнаго тростника и въ ананасныя поля. Маленькій

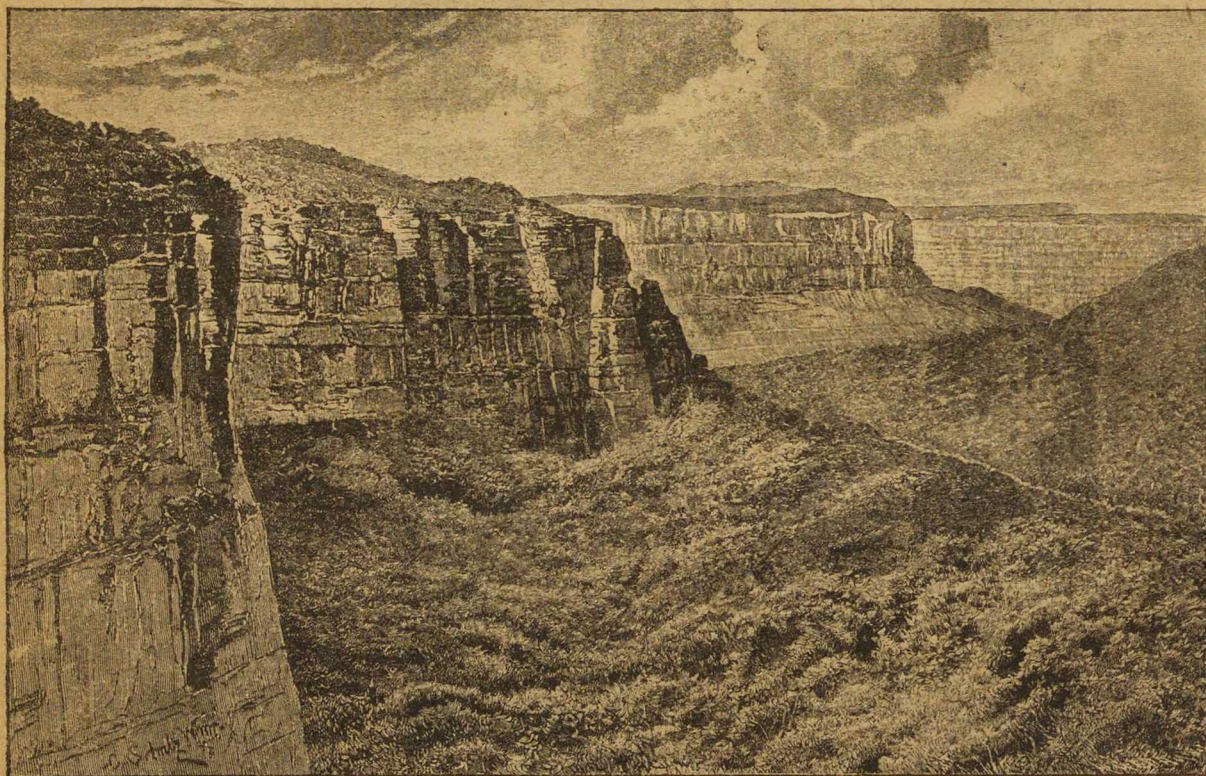
образныхъ породъ: тутъ были и широкія пальмы и узкія полосы дикихъ ліанъ.

Мѣстами пестрѣли цвѣты, а внизу подъ ногами раскрывалась зеленая глубина. Синѣли верхушки отдаленныхъ лѣсовъ: гдѣ-то вдали серебрилась вода, и мелькали совсѣмъ маленькіе, точно игрушечные, домики. Иногда нашъ поѣздъ катился прямо надъ пропастью, проѣзжая по узкому мостику, перекинутому между горами.

Нѣсколько въ другомъ родѣ картины раскрывались передъ нами, когда намъ пришлось на автомобиляхъ разсматривать болѣе близкія окрестности Брисбэна. Проѣхавъ по гладкой дорогѣ черезъ густой тропическій лѣсъ, откуда неслись громкіе свисты птицъ и свѣжій запахъ зелени, мы очутились на широкомъ просторѣ. Горъ не было видно: только въ разныхъ мѣстахъ раскинулись бѣлые домики, окруженные низкими бананами, съ ихъ узкими, какъ бы надломленными листьями и висющими подъ ними рѣдкими гроздьями плодовъ. А дальше были

раскинуты безъ конца уходящія вдали поля ананасовъ. Золотистые плоды, прикрытые широкими листьями, правильными рядами расходились во все стороны. Кое-гдѣ стояли высокія пальмы. Въ свѣжемъ воздухѣ чуялась близость моря. Черезъ полчаса ѣзды мы действительно были уже на берегу океана. Здѣсь на широкой верандѣ гостиницы насъ ожидалъ обѣдъ. Было тихо. Великій океанъ покойно дышалъ, едва колыша своей могучей грудью.

Пароходъ «Морея», на которомъ мы должны были отплыть изъ Сиднея, отчаливалъ

Голубыя горы въ Австраліи и море лѣсовъ въ долинахъ.

городокъ, въ которомъ устроенъ сахарный заводъ, принялъ насъ очень радушно. Намъ подробно показали заводъ. Остановившись у громадныхъ вороховъ сахарнаго тростника, приготовленнаго къ обработкѣ, мы отламывали концы отъ длинныхъ палокъ и, обстругавъ ихъ перочинными ножами, жевали и сосали бѣлый сладкій стволъ. На нашихъ глазахъ подвозились громадные вороха тростниковыхъ стволовъ. По узкимъ лѣстницамъ мы вошли въ темноватое помѣщеніе второго этажа завода и наблюдали процессъ очищенія раздобытаго изъ тростника сахара.

Послѣ этого насъ пригласили въ небольшой залъ, сплошь украшенный пальмами съ рядомъ накрытыхъ столовъ, на которыхъ между букетами желтыхъ мимозъ темно-золотыми рядами возвышались душистые ананасы.

Мы позавтракали и, уѣздившись въ открытые вагоны небольшого заводскаго поѣзда, поѣхали въ горы, за которыми раскинуты плантаціи тростника.

На небольшомъ пространствѣ земли рѣдко можно встрѣтить сразу столько красотъ, сколько было ихъ здѣсь. Дорога все время была гористая. Надъ нашими головами свѣшивались зеленые вѣтки деревьевъ самыхъ разно-

23-го августа въ 12 часовъ дня. Къ этому времени мы были на палубѣ. Моя каюта, которую я занималъ вмѣстѣ съ однимъ профессоромъ, выходила окнами на верхнюю палубу. Къ отходу парохода на пристани собралось много провожающихъ, пріѣхалъ и губернаторъ, имѣвшій среди членовъ Британской ассоціаціи своихъ близкихъ знакомыхъ. Пожимая на прощанье мнѣ руку, онъ выразилъ удовольствіе по поводу того, что видитъ въ Австраліи русскаго, и любезно спросилъ, насколько я остался доволенъ результатами своего путешествія.

За нѣсколько минутъ до отхода парохода на палубу явился отрядъ австралійскихъ солдатъ, занявшихъ все входы въ каюты. Все пассажиры должны были собраться въ салонъ I класса, и гуськомъ дефилировать мимо офицера, осматривавшаго документы. Впрочемъ, члены Британской ассоціаціи были освобождены отъ этой формальности, и офицеръ довольствовался простымъ заявленіемъ стоявшаго около него представителя Сиднейскаго университета, о томъ, что это «нашъ».

Когда наступило время отчаливать, то изъ толпы провожающихъ стали взвизывать на палубу нашего парохода длинныя ленты разноцвѣтныхъ серпантиновъ, концы

ИСПЫТАНІЕ «ЧЕРЕПАХИ».

Римляне изобрѣли приспособленіе, составлявшееся изъ щиповъ и называвшееся «черепахой». Щипы эти держали на своихъ головахъ скрывавшіеся подъ ними воины. Все сооруженіе было настолько прочно, что на него можно было по-

спавить колесницу. «Черепаха» служила римлянамъ во многихъ случаяхъ. Для подступа къ крѣпости, для перехода черезъ рвы, а также для прикрытія наступавшей пѣхоты. Заѣзъ изображено испытаніе прочности «черепахи».

которыхъ подхватывались отъѣзжавшими пассажирами. Такимъ образомъ быстро между нами и пристанью образовалась цѣлая сѣть цвѣтныхъ ленточекъ, красиво колебавшихся въ воздухѣ. Пароходъ медленно отходилъ, ленточки все больше и больше натягивались и постепенно разрывались. Исчезали послѣднія связи между нами и берегомъ. Наконецъ, опустились въ воду послѣдніе концы разорванныхъ серпантиновъ, и съ обѣихъ сторонъ въ воздухѣ замелькали шляпы, зонтики и платки. Мы прощались съ Сиднеемъ.

Красивой панорамой развернулась предъ нами въ послѣдній разъ широкая гавань города, сверкнули на солнцѣ высокія стѣны бѣлыхъ домовъ, потонувшихъ въ зелени, мелькнули пальмы ботаническаго сада, и крутымъ изгибомъ выдвинулись голыя скалы, сторожащія входъ въ океанъ. Передъ нами была безбрежная гладь.

Отъ Сиднея до Фриментля, мимо всего южнаго берега Австраліи, мы плыли 10 дней, сдѣлавъ небольшія остановки въ Мельбурнѣ и Аделаидѣ. Нашъ пароходъ по своей величинѣ почти равнялся «Эврипиду», но только былъ нѣсколько болѣе старой конструкціи. Кромѣ того, значительная часть прислуги состояла изъ чернолицыхъ сингалезовъ, въ чалмахъ и пестрыхъ восточныхъ тряпкахъ. Съ перваго раза это казалось очень оригинальнымъ и даже красивымъ, но со временемъ легко было убѣдиться въ большихъ преимуществахъ европейской прислуги. Сингалезу всегда требуется почти вдвое больше времени для того, чтобы съ величайшею суетливостью и утомленіемъ продѣлать то, что спокойно и свободно дѣлаетъ англичанинъ.

Весна въ Австраліи идетъ быстрымъ ходомъ, и, напримѣръ, Аделаида, за мѣсяць до моего отъѣзда изъ нея замѣтно измѣнилась. Превъзшая красавица стала еще прекраснѣй. Къ сладкому запаху эвкалиптовъ примѣшивался тонкій ароматъ флердоранжа. По бѣлымъ стѣнамъ домовъ поползли густыя гирлянды цвѣтовъ. Солнце весело

заливало своимъ яркимъ блескомъ широкія шапки низкорослыхъ пальмъ съ пирамидальными стволами и бодрья лица прохожихъ.

1-го сентября, отплывая изъ Фриментля, мы въ послѣдній разъ видѣли берега Австраліи. Если бы не тяжелыя думы, вызываемыя войной, то какимъ волшебнымъ сномъ была бы наша поѣздка по этой странѣ, полной солнца и ласки, довольства и дружбы, полной глубокаго уваженія къ труду и правамъ человѣка. Прощаясь съ Австраліей, невольно хотѣлось повторять слова національной австралійской пѣсни, много разъ раздававшейся во время разныхъ банкетовъ:

Солнцемъ вся озарена.

Яснымъ золотомъ полна,

Благодатная страна;

Божій даръ, Австралія!

Счастье быть рожденнымъ въ ней!

Счастье вѣрить все сильнѣй:

Нѣтъ страны тебя милѣй,

Божій даръ, Австралія.

Дѣти смѣлыхъ моряковъ,

Мы хранимъ завѣтъ отцовъ:

За свободу, за свой кровъ,

Божій даръ, Австралію.

Намъ свобода—вѣрный щитъ!

Безграниченъ и сердитъ,

Океанъ тебя хранить,

Божій даръ, Австралія!

Блещутъ волны, бьетъ прибой

И надеждъ великихъ рой

Рѣветъ гордо надъ тобой,

Божій даръ, Австралія!

Каждый радъ изъ насъ въ краю,

Если надо, такъ въ бою,

Умереть за честь твою,

Божій даръ, Австралія!

конецъ.

ИСТОРИЯ ТАБАКА.

(Историческій очеркъ).

Открытие табака и его побѣдоносное шествіе по земному шару. — Борьба съ нимъ духовной и свѣтской власти. — Кардиналь Ришелье и новая табачная полигика правительства. — Табакъ, какъ источникъ доходовъ для казны. — Табакъ съ гигиенической и эстетической точки зрѣнія.

Когда 425 лѣтъ тому назадъ Колумбъ вступилъ со своими спутниками на берегъ Америки и увидѣлъ, что туземцы держатъ во рту какіе-то свернутые листья и «дымятъ» ими, ему врядъ ли снилось, что это невинное на видъ занятіе, съ которымъ онъ познакомился такимъ образомъ, будетъ играть столь выдающуюся роль въ дальнѣйшей исторіи человѣчества, что онъ послужитъ для миллионовъ людей неведомымъ дотолѣ источникомъ наслажденія, что онъ приведетъ въ движеніе ученыхъ и политиковъ, вызоветъ тревогу среди врачей и священниковъ, вызоветъ ликованіе среди купцовъ и найдетъ ярыхъ защитниковъ и фанатическихъ противниковъ среди императоровъ, царей и королей.

А между тѣмъ открытіе табака повело за собой все вышеперечисленное. Еще 400 лѣтъ тому назадъ никто въ Америки не имѣлъ понятія, что значить курить табакъ. Теперь ежегодно выращивается по 1000 миллионовъ килограммовъ табаку, и сотни тысячъ людей на земномъ шарѣ зарабатываютъ себѣ пропитаніе и наживаютъ себѣ состоянія выращиваніемъ, приготовленіемъ и продажей этого совершенно излишняго, въ сущности, и даже вреднаго продукта.

Но хотя на долю табака выпалъ, такимъ образомъ, необычайный «успѣхъ», онъ встрѣтилъ все же немало сопротивленія и противодѣйствія во время своего побѣдоноснаго шествія по земному шару. Онъ долженъ былъ преодолевать предрассудки, суевѣрія и вражду, прежде чѣмъ добивался признанія и разрѣшенія. На этой почвѣ происходило немало курьезовъ. Рассказываютъ, напримѣръ, что когда слуга англійскаго политическаго дѣятеля Вальтера Ралей въ первый разъ увидѣлъ своего господина курящимъ, онъ вообразилъ, что благородный лордъ загорѣлся изнутри, и въ своемъ испугѣ поспорѣ вылилъ на него сосудъ съ масломъ, который какъ разъ держалъ въ рукѣ. Такъ мало еще знали въ тѣ времена о примѣненіи новаго, своеобразнаго растенія, именуемаго табакъ.

Вначалѣ духовная и свѣтская власть наперерывъ другъ передъ другомъ предавали «анафемѣ» и запрещали куреніе табаку, какъ «грѣхъ», какъ безнравственный поступокъ, находящійся въ противорѣчій съ священнымъ писаніемъ. Англійскій король Яковъ I собственноручно написалъ по-латыни цѣлую полемическую книгу противъ табака, «этого вонючаго чернаго дыма, который

вредить мозгу, убиваетъ легкія и зачумляетъ воздухъ и жизнь». Папа Урбанъ VIII издалъ въ 1624 г. декретъ, коимъ каждый, кто нюхалъ табакъ въ церкви, долженъ былъ исключаться изъ прихода. Въ швейцарскомъ полицейскомъ регламентѣ имѣлось десять главныхъ статей, и въ томъ числѣ на первомъ мѣстѣ стояло запрещеніе курить табакъ. Въ большинствѣ странъ выращиваніе табака было строжайше запрещено, и нарушеніе этого запрета каралось не только конфискаціей имущества «преступника», но сверхъ того еще и другими наказаніями, какъ заключеніе въ тюрьму и т. д.

Въ скандинавскихъ странахъ табакъ вошелъ въ употребленіе приблизительно въ 1600 году. Его привезли съ собой англійскіе моряки. Но и тамъ, на сѣверѣ, этотъ новый обычай былъ встрѣченъ правителями подозрительно и враждебно. Густавъ Адольфъ прямо запретилъ всякое куреніе табаку. Другіе короли довольствовались тѣмъ, что присуждали курильщиковъ къ уплатѣ большихъ штрафовъ въ пользу церкви.

Особенно энергично боролись съ табакомъ у насъ въ Россіи, гдѣ за куреніе виновнику отрѣзали носъ или давали ему извѣстное количество плетей.

Но, несмотря на все противоѣдствіе, табакъ продолжалъ свое побѣдоносное шествіе. Въдѣ извѣстно, что запретный плодъ всегда особенно сладокъ и съ каждымъ новымъ закономъ, который издавался противъ этой «язвы общества», табакокуреніе приобретало новыхъ приверженцевъ.

Умный французскій государственный дѣятель Ришелье первый понялъ, что министръ можетъ использовать табакъ для кой-чего другого, чѣмъ только въ качествѣ вѣчнаго яблока раздора между правительствомъ и населеніемъ. Онъ не издалъ никакихъ запрещеній противъ куренія, а вмѣсто того обложилъ табакъ пошлиной. «Разъ мы не можемъ помѣшать этому обычаю, мы должны хотъ постараться, чтобы казна тоже извлекала доходъ изъ него», такъ рассуждалъ дальновидный политикъ. И его мѣра оказалась блестящей финансовой спекуляціей. Правда, вначалѣ доходъ былъ не великъ; но съ теченіемъ времени употребленіе нюхательнаго и курительнаго табаку сильно возросло, и въ то же время выращиваніе табака стала монополіей, за которую правительство взимало большія деньги. Въ настоящее время правительство само взяло въ свои руки эту монополію, и она приноситъ французскому государственному казначейству по 300—400 милліоновъ въ годъ.

Та же система «государственной монополіи» была введена съ теченіемъ времени въ Австрію, Италію, Испанію и Турцію, а также въ Скандинавію за послѣдніе годы. Въ другихъ странахъ табакъ облагается высокими ввозными пошлинами. Такимъ образомъ растеніе, ввезенное Колумбомъ, стало источникомъ доходовъ, изъ котораго министры финансовъ непрерывно могутъ извлекать все новые и новые милліоны.

Въ то же время велась энергичная борьба противъ табаку съ точки зрѣнія его вреда для тѣла и души, и эта борьба продолжается въ общемъ донинѣ. Видные люди всѣхъ партій бросались въ эту борьбу и давали другъ другу форменныя сраженія. Гёте, который самъ не курилъ выразился разъ, что геній никогда не захочетъ употреблять табакъ, и высказалъ предположеніе, что Лессингъ навѣрное никогда не бралъ трубки въ ротъ, на что присутствовавшая при этомъ разговорѣ дама, зная Лессинга, наивно отвѣтила:

«Нѣтъ, курить и писать—это господинъ Лессингъ умѣлъ, но въ общемъ онъ ни на что не былъ годенъ».

Но исторія не подтверждаетъ мнѣнія Гёте. Многіе изъ самыхъ выдающихся людей были рьяными курильщиками. Мильтонъ, Вальтеръ Скоттъ, Байронъ и многіе другіе знаменитые писатели очень любили трубку; Шиллеръ предпочиталъ щепотку нюхательнаго табаку; философы, какъ Кантъ и лордъ Бэконъ, тоже имѣли слабость къ табаку. Храбрый полководецъ Янъ Собѣскій выигрывалъ всѣ свои сраженія съ дымящей трубкой въ зубахъ. Наполеонъ очень любилъ выкурить сигару, когда находился на бивуакѣ. Многіе выдающіеся врачи тоже были неисправимыми курильщиками.

Такимъ образомъ мы видимъ, что табакъ постепенно завоевалъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ кругахъ общества и въ общемъ побѣдилъ сопротивленіе, которое онъ вызвалъ противъ себя первоначально. Въ большинствѣ европейскихъ странъ куреніе еще остается привилегіей мужчинъ, но въ другихъ частяхъ свѣта курящихъ женщинъ будетъ скоро столько же, сколько и мужчинъ. Въ Индіи курятъ всѣ классы общества и оба пола. Въ Китаѣ куреніе табака такъ распространено среди женщинъ, что уже въ 8—9 лѣтъ дѣвочкамъ нашиваютъ на платьѣ карманчикъ для трубки и табаку. Настоящая мексиканская красавица считаетъ, что утрачиваетъ часть своего очарованія, если не имѣетъ напиросы въ зубахъ, и африканскія чернокожія дамы тоже считаютъ себя особенно неотразимыми, когда идутъ по дорогѣ, выпуская клубы дыма изъ огромной трубки.

Насколько эстетично видѣть курящую даму или барышню—это вопросъ, вокругъ котораго попрежнему кипитъ жаркій споръ. О вкусахъ нельзя спорить разъ навсегда. Но зато большинство образованныхъ людей безусловно согласно въ томъ, что *когда курятъ дѣти и подростки*, это весьма вредно для ихъ здоровья и недопустимо ни съ какой точки зрѣнія. Ядъ, заключающійся въ табакѣ, не можетъ не дѣйствовать на слабый, неокрѣпшій организмъ, и дѣйствіе его иногда такъ сильно, что бываетъ даже смертоноснымъ. Тому имѣются примѣры. Такъ одинъ врачъ рассказываетъ, что два подростка поспорили, кто изъ нихъ можетъ выкурить больше трубокъ. Одинъ выкурилъ 17, другой—18. Но вскорѣ послѣ этого оба умерли отъ отравленія никотиномъ.

Но, если нужно самымъ серьезнымъ образомъ предостерегать людей отъ злоупотребленія табакомъ, то врядъ ли есть основаніе принимать слишкомъ энергичныя насильственные мѣры противъ разумаго и умѣреннаго пользованія табакомъ взрослыми людьми. Во всякомъ случаѣ извѣстно немало случаевъ, когда и страстные курильщики достигали весьма преклоннаго возраста. Ньютонъ, выкулившій по нѣскольку трубокъ въ день, дожилъ до 84 лѣтъ. Въ Триестѣ въ 1847 г. умеръ на 116 году жизни нѣкій Бриссіакъ, который всю свою жизнь былъ отъявленнымъ курильщикомъ. Въ Шилезіи другой страстный курильщикъ, Генрихъ Горцъ, умеръ въ возрастѣ 142 лѣтъ.

Всѣ эти примѣры показываютъ, повидимому, что если табакъ и ядъ, то ядъ, дѣйствующій весьма медленно на здоровый, крѣпкій организмъ.

Но повторяемъ, куреніе въ юномъ возрастѣ, когда организмъ еще не окрѣпъ, можетъ имѣть для человѣка самыя печальныя послѣдствія, разъ навсегда ослабивъ организмъ и повредивъ, на примѣръ, такому важному органу, какъ сердце.

* * * БЛАГОДѢТЕЛЬ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА. * * *

Жизнь и дѣятельность Михаила Фарадея ¹⁾. Очеркъ Н. К. Лебедева.

Фарадей и его роль въ области науки.—Биографія Фарадея.—Превращеніе переплетчика въ великаго физика.—«Исторія свѣчки». — Великій ученый—великій человѣкъ.

Еще въ началѣ XIX столѣтія электричество представляло собою почти совершенно невѣдомую силу, которой интересовались очень мало даже специалисты ученые, и которая не имѣла рѣшительно никакого практическаго дѣйствія въ жизни. Но въ наши дни электричество играетъ огромную роль въ жизни людей и его благотворное значеніе увеличивается съ каждымъ днемъ. При помощи электричества, мысли и слова человѣка передаются черезъ моря и океаны во всѣ уголки земного шара, во всѣ города міра, а во многихъ странахъ и скромныя деревни и фермы освѣщаются электричествомъ; электричество же двигаетъ трамваи и цѣлыя поѣзда, перевозающія миллионы людей съ мѣста на мѣсто. Однимъ словомъ, электричество теперь играетъ такую важную роль въ нашей жизни, что трудно даже представить себѣ, какъ бы мы могли обойтись безъ него, хотя бы самое короткое время. И всѣми настоящими успѣхами въ этой области человѣчество обязано, главнымъ образомъ, научнымъ трудамъ англійскаго ученаго Михаила Фарадея, со дня смерти котораго въ августѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, исполняется ровно пятьдесятъ лѣтъ.

Михаилъ Фарадей можетъ быть вполне названъ «благотворителемъ человѣчества», онъ одинъ далъ человѣчеству столько благъ, сколько не доставляютъ тысячи простыхъ смертныхъ. Фарадей далъ міру больше богатствъ, чѣмъ цѣлое поколѣніе, однако, ему самому это не помѣшало умереть бѣднякомъ.

Вся жизнь Фарадея была постояннымъ служеніемъ наукѣ и безъ преувеличенія можно сказать, что въ лицѣ Фарадея мы имѣемъ величайшаго изслѣдователя природы, когда-либо существовавшаго на землѣ.

Фарадей родился въ 1791 г. въ семьѣ бѣднаго рабочаго-кузнеца въ городѣ Ньюингтонъ-Беттсѣ. Когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, отецъ отдалъ его въ мальчики къ переплетчику, у котораго Фарадей прослужилъ цѣлыхъ восемь лѣтъ. Переплетая книги, Фарадей сильно пристрастился къ чтенію и буквально все свое время, свободное отъ работы, употреблялъ на чтеніе. Читалъ онъ безъ всякой системы и безъ разбору, смотря, что попадалось подъ руки; однако съ теченіемъ времени онъ болѣе всего интересовался книгами по химіи и физикѣ.

Чѣмъ болѣе читалъ Фарадей книгъ, тѣмъ болѣе у него развивалась страсть къ наукѣ и росло стремленіе заниматься болѣе серьезно своимъ самообразованіемъ. Одна-

ко, о систематическомъ образованіи нечего было и думать: на рукахъ Фарадея осталась послѣ смерти отца вся семья и Фарадею приходилось съ большимъ трудомъ поддерживать существованіе своихъ близкихъ. Вслѣдствіе невозможности поступить куда-нибудь въ школу, молодой Фарадей рѣшилъ посѣщать общеобразовательные вечерніе курсы. На этихъ курсахъ Фарадей прослушалъ случайно четыре лекціи знаменитаго въ то время химика Гемфри Дэви, и эти лекціи оказали рѣшающее вліяніе на будущность молодого переплетчика.

Нѣсколько дней спустя Фарадей отправилъ Дэви письмо, въ которомъ выразилъ желаніе посвятить себя научной дѣятельности. «Я желаю,—писалъ Фарадей,—совершенно оставить ремесло и поступить на службу къ наукѣ, которая дѣлаетъ своихъ служителей настолько же добрыми и благородными, насколько ремесло — злыми и себялюбивыми».

Дэви заинтересовался Фарадемъ и пригласилъ его въ свою лабораторію. Должность Фарадея была нѣчто среднее между обязанностью служителя и ассистента. Фарадей долженъ былъ не только помогать профессору при его опытахъ, но онъ долженъ былъ, согласно условію, «ежедневно сметать пыль со всѣхъ приборовъ и моделей, а также мыть и чистить стеклянные сосуды. Дэви указы-

валъ Фарадею, что служба наукѣ—это тяжкій трудъ, который вовсе не приноситъ особой матеріальной выгоды, но ему не удалось поколебать молодого переплетчика, и тотъ согласился служить у Дэви за 100 шиллинговъ въ мѣсяць (около 50 руб.). Въ это время Фарадею было уже 21 годъ.

Фарадей ревностно началъ изучать химію и старался проникнуть въ сущность опытовъ, производимыхъ Дэви. Прослуживъ у Дэви нѣсколько лѣтъ, Фарадей приступилъ къ самостоятельнымъ занятіямъ и вскорѣ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ открытій. Такъ, ему удалось превратить въ жидкое состояніе хлоръ и нѣсколько другихъ газовъ; этими опытами Фарадей проложилъ мостъ между двумя состояніями тѣлъ—газообразнымъ и жидкимъ.

За свои заслуги въ области химіи Фарадей былъ избранъ въ члены Королевскаго Института, а затѣмъ былъ назначенъ профессоромъ. Не достигнувъ еще тридцатилѣтняго возраста, бывшій мальчишка на посылакахъ, переплетчикъ и сынъ кузнеца, уже читалъ лекціи въ Королевскомъ Институтѣ, въ то время знаменитѣйшей академіи Міра.

Однако главнѣйшія открытія Фарадея были еще впереди. Такъ, бывши уже профессоромъ, онъ открылъ бен-

Михаилъ Фарадей.

¹⁾ По поводу 50-лѣтія со дня его смерти.

золю, что привело къ созданію новой крупнѣйшей отрасли промышленности — фабрикаціи *анилиновыхъ красокъ*, вытѣснившихъ теперь почти совершенно употребленіе естественныхъ растительныхъ красокъ. Но особенно громадное значеніе имѣли изслѣдованія Фарадѣя въ области электричества. Онъ первый изучилъ подробно отношеніе между электрическими и магнитными явленіями и открылъ основные законы электродинамики. Фарадѣй можетъ по праву считаться отцомъ современной электротехники, хотя его изслѣдованія носили чисто теоретическій характеръ.

Фарадѣй изслѣдовалъ, какъ пионеръ, вдоль и поперекъ обширныя царства химіи и электричества, и куда ни направлялъ свой внимательный, ищущій взоръ — всюду его ожидали чудесныя открытія. Благодаря своимъ открытіямъ, Фарадѣй получалъ постоянно отъ многочисленныхъ капиталистовъ предложенія поступить къ нимъ на фабрики, но Фарадѣй постоянно отклонялъ эти предложенія, хотя за ними и были золотыя горы. Онъ продолжалъ довольствоваться сравнительно небольшимъ жалованьемъ профессора Королевскаго Института и отдавалъ все свое время служенію наукѣ, оставаясь чистымъ и честнымъ идеалистомъ.

Фарадѣй былъ жрецомъ науки и стремился распространить научныя знанія не только среди специалистовъ, но и среди народной массы. Выйдя самъ изъ народа, онъ удѣлялъ свои досуги просвѣщенію народа и читалъ популярныя лекціи по химіи и физикѣ. Ни одинъ научный лекторъ въ Англіи не имѣлъ, пожалуй, такого успѣха, какъ Фарадѣй. У него былъ рѣдкій даръ — излагать предметъ увлекательно и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко поучительно. Дѣти стремились понасть къ нему на лекцію, а взрослые шли слушать Фарадѣя съ такимъ же удовольствіемъ, какъ въ театрѣ. Къ сожалѣнію, для потомства большинство популярныхъ лекцій Фарадѣя не

сохранилось, и мы имѣемъ лишь одинъ образецъ этихъ лекцій, «Исторію свѣчки». Эта лекція, прочитанная Фарадѣемъ еще въ 1861 году, до сихъ поръ представляетъ собою лучшее пособіе для юношества для ознакомленія съ такимъ обычнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сложнымъ явленіемъ, какъ горѣніе свѣчи.

Фарадѣй написалъ «Исторію свѣчки», когда ему было уже семьдесятъ лѣтъ, но его энергія, казалось, не уменьшалась, и онъ съ прежнимъ жаромъ отдавался научной работѣ. Однако, долгіе годы нужды и лишеній, постоянные упорные труды, опыты и изслѣдованія, въ концѣ концовъ, расшатали его крѣпкое здоровье, и когда ему исполнилось 75 лѣтъ, онъ вынужденъ былъ покинуть свою лабораторію въ Королевскомъ Институтѣ и поселиться на покой. Вскорѣ послѣ этого онъ тяжело заболѣлъ, и 12 августа 1867 г. тихо скончался.

Въ своей жизни Фарадѣй былъ очень простымъ и скромнымъ человекомъ, онъ вѣрилъ въ людей и ко всѣмъ относился по-братски. Одинъ изъ его соотечественниковъ, говоря о немъ, далъ такую характеристику: «Фарадѣй любилъ показывать, какъ вода, выкристаллизовываясь, очищается отъ всѣхъ загрязняющихъ ее примѣсей, кристаллъ выдѣляется чистымъ и яснымъ, изъ какихъ бы растворовъ — кислыхъ, щелочныхъ или солевыхъ — онъ ни происходилъ. При созиданіи Фарадѣя природа поступила совершенно такъ же: кристално чистая красота и благородство духа вошли въ его составъ, который не былъ загрязненъ ни одной частицей чего-либо низкаго и подлаго».

Фарадѣй умеръ, не оставивъ потомства, но зато онъ оставилъ міру такія сокровища, о которыхъ до него никто не могъ даже мечтать. Благодаря Фарадѣю наука въ XIX вѣкѣ сдѣлала такой шагъ впередъ, что всѣ научныя познанія начала прошлаго столѣтія кажутся намъ теперь какими-то отдаленными умозрѣніями среднихъ вѣковъ.

ИЗУЧЕНІЕ ПРИРОДЫ НА ФРОНТѢ.

Равнодушіе птицъ къ канонадѣ. — Малиновки, реполовы, жаворонки и соловьи въ военной зонѣ. — Своеобразная «мимикрія» пѣтуховъ и куръ военной зоны. — Огородничество и садоводство на фронтѣ.

Вынужденное бездѣліе и рѣзкій контрастъ между жизнью природы и дѣятельностью людей, какъ она проявляется на фронтахъ, невольно побуждаютъ солдатъ приглядываться къ цвѣтамъ и деревьямъ, птицамъ и животнымъ, и наблюдать съ интересомъ звѣзды, мѣсяцъ и беззаботную жизнь рѣчекъ, прудовъ и полей. Пусть весенній воздухъ полонъ оглушительнаго гула канонады, пусть народы сѣпились въ яростной и отчаянной схваткѣ — жизнь природы течетъ своимъ обычнымъ спокойнымъ чередомъ.

«Всѣ животныя, включая и человека, боятся артиллерійскаго огня, — говоритъ одинъ окопный наблюдатель. — Исключеніе представляютъ только кошки и птицы. Лошади тоже боятся. Правда, въ большинствѣ случаевъ онѣ достаточно храбры, чтобы побѣждать этотъ страхъ, но я знаю одну лошадь похитрѣе. У нея ноги буквально отнимаются, какъ только она увидитъ первую воронку отъ снаряда въ зонѣ опасности, и

она остается въ такомъ состояніи, поправляясь только въ лагерѣ далеко въ тылу. Между тѣмъ птицы, отъ робкой маленькой малиновки до большой дерзкой пустельги, которая охотится за окопными мышами и крысами, совершенно равнодушны, повидимому, къ непрерывному грохоту орудій».

Британскія и французскія орнитологическія общества обратились къ солдатамъ-орнитологамъ съ просьбой сообщать объ эмиграціи птицъ или другихъ ихъ уклоненіяхъ отъ обычнаго теченія жизни въ это ненормальное время. Но малерскія пѣвуньи продолжали свое обычное дѣло, словно міровой войны совершенно не существовало. Одинъ офицеръ на Соммѣ нашелъ въ деревнѣ, взятой англійскими войсками, гнѣздо чернаго дрозда съ тремя только что вылупившимися птенчиками. «Это гнѣздо находилось тамъ, гдѣ раньше былъ германскій фронтъ, такъ что птица-мать, очевидно, сидѣла на яйцахъ въ продолженіе всей нашей бомбардировки и слѣдовавшей за ней

Кроличья нора въ окопахъ.

Большой извѣстностью пользуется Джемми, знаменитый салоникискій поросенокъ. Его нашли въ бочкѣ въ пустомъ амбарѣ, и очень быстро онъ былъ усыновленъ, хотя обнаружилъ дорого-стоющее пристрастіе къ мылу для бритья, стоимостью въ 3 шиллинга кусокъ. Тамъ, гдѣ водятся кролики, ихъ ловятъ силками, на примѣръ, въ песчаныхъ дюнахъ между Зеебрюгге и Дюнкеркомъ. Въ противоположность птицамъ, кролики не любятъ бомбардировки.

Въ рѣдкій часъ досуга стрѣлокъ становится рыболовомъ, ловя карповъ въ пруду, при чемъ онъ заявляетъ, что вечерній концертъ лягушекъ гораздо хуже нежели вой и свистъ снарядовъ. Въ сумерки онъ наблюдаетъ, какъ сова охотится за мышами, пока какой-нибудь взрывъ не освѣтитъ внезапно сцену и не заставитъ ночную хищницу искать укрытія въ ригѣ безъ крыши или въ лѣскѣ, который пролетающіе снаряды превратили въ черные пни, иззящно опушенные теперь весенней зеленью.

ріей. Это была заросшая чертополохомъ лощинка, которая находилась подъ жестокимъ огнемъ съ той и другой стороны, но голуби жили тамъ, словно никакой войны нѣтъ».

Въ три часа утра одного майскаго дня тотъ же офицеръ услышалъ, какъ соловей запѣлъ въ саду при замкѣ. Черезъ полчаса германскіе снаряды начали падать дождемъ, но соловей продолжалъ пѣть безъ остановки. Другой наблюдатель отмѣчаетъ, что пѣтухи и куры на французскихъ фермахъ научаются подражать звуку летящаго снаряда. Онъ уже раньше слышалъ объ этомъ феноменѣ и теперь обратилъ на него вниманіе своихъ товарищей, а также разспросилъ своего хозяина, дѣйствительно ли это такое обще-распространенное явленіе.

«Да,—отвѣтилъ фермеръ,—наши пѣтухи и куры научились кричать такъ съ тѣхъ поръ, какъ началась война. Иногда они занимаются этимъ подолгу—словно въ

Англійскіе офицеры и солдаты съ своими пернатыми друзьями въ окопахъ на французскомъ фронтѣ.

Вокругъ тихихъ опустѣвшихъ, замковъ британскіе офицеры съ своей стороны отмѣчаютъ и записываютъ жизнь природы во время войны: какъ никакая бомбардировка не мѣшаетъ жаворонку и соловью изливать свои чарующія трели; какъ оконная кошка устанавливаетъ границу своей выносливости, а когда эта граница перейдена, ищетъ спасенія въ самомъ дальнемъ углу землянки; какъ собака террьеръ была храбра и смѣла, пока не появились у нея щенята; тогда она унесла ихъ всѣхъ въ тылъ, подальше отъ опасности, но сама возвращалась, чтобы нести и дальше тяготы войны вмѣстѣ съ своими товарищами... Но особенно много записываютъ они наблюденій надъ птицами: когда какая птица прилетѣла, когда начала вить гнѣздо и такъ далѣе.

Разрушенные дома являются, повидимому, излюбленнымъ мѣстожителемъ воробьевъ, между тѣмъ какъ скворецъ предпочитаетъ разрушенныя церкви. Если снарядъ попадетъ въ такую руину, ея пернатые обитатели взлетаютъ и разсыпаются во всѣ стороны, но тутъ же возвращаются, звонкимъ щебетомъ возвѣщая свое изумленіе по поводу столь непонятнаго варушенія ихъ покоя! И «нейтралъная зона» между непріятельскими линіями тоже служитъ обиталищемъ для многихъ безпечныхъ птицъ. «Прошлое воскресенье,—пишетъ одинъ наблюдатель,—я нашелъ гнѣздо лѣснаго голубя между нашими передовыми окопами и артилле-

насмѣшку или въ укоръ; такимъ же укоромъ кажутся покинутыя траншеи, змѣящіяся среди равнины въ видѣ золотистой ленты полевой горчицы, между тѣмъ какъ воронки отъ снарядовъ до краевъ полны голубыхъ незабудокъ».

Любятъ на фронтѣ заниматься огородничествомъ и садоводствомъ. Вотъ разговоръ между двумя британскими Томми изъ разныхъ траншей.

— Не знаю, скоро ли кончится война,—говоритъ одинъ изъ нихъ.—Во всякомъ случаѣ я посадилъ передъ нашими окопами нѣсколько луковицъ златоцвѣта.

— Златоцвѣта?—отвѣчаетъ другой.—Ахъ, ты оптимистъ! Мы посадили жолуди.

Британскіе солдаты съ наслажденіемъ копаютъ грядки, поливаютъ ихъ, полюютъ, сажая лукъ, салатъ, редиску, морковь и картофель. Многіе настолько увлекаются этимъ новымъ для нихъ занятіемъ, что не на шутку поговариваютъ, что по окончаніи войны уйдутъ въ Австралію или Канаду и займутся фермерствомъ. Но еще больше вниманія удѣляется цвѣточнымъ клумбамъ. Трогательно видѣть, какъ взрослые люди съ заботливой пѣжностью ухаживаютъ за цвѣтами, дрожатъ надъ каждымъ росткомъ, ставятъ подпорки и разыскиваютъ въ разрушенныхъ деревняхъ оконныя рамы и стекла, которыя могли бы имъ помочь въ ихъ работѣ. Трогательно видѣть также, какъ они бродятъ по полямъ Франціи,

собирая макъ и васильки, пурпуровыя скабіозы и бѣлыя ромашки. Здѣсь солдаты становятся, какъ дѣти, и страшно подумаютъ, что эти же самые люди пришли сюда, чтобы истреблять себѣ подобныхъ.

Общенье съ птицами и звѣрями и созерцаніе вѣчной и неизмѣнной жизни природы оказываютъ на Томми

бодрящее дѣйствіе. Это видно хотя бы изъ слѣдующаго стихотворенія одного траншейнаго поэта:

«Дроздъ поетъ ему: братъ мой, о братъ,
Если даже сей пѣснь твоей суждено быть послѣдней,
Пой ее звонко и радостно—пой хорошо,
Ибо не знаешь вѣдь ты, удастся ли пѣть другую.
Пой, братъ мой, пой же, о пой!»

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИРЛАНДЦЕВЪ.

Въ настоящій моментъ, когда въ политической жизни выдвигается новый факторъ—«самоопредѣленіе народовъ», цѣлый рядъ историковъ занялся изысканіемъ и выясненіемъ происхожденія многихъ европейскихъ народностей, первое появленіе которыхъ въ Европѣ было покрыто до сихъ поръ мракомъ неизвѣстности.

Къ такимъ народностямъ принадлежатъ, между прочимъ, ирландцы, которыхъ обыкновенно смѣшиваютъ съ англо-саксонцами, хотя въ дѣйствительности ирландцы не имѣютъ съ англосаксами ничего общаго. Ирландскій языкъ не похожъ ни на одинъ изъ западно-европейскихъ языковъ, и филологи до сихъ поръ не разрѣшили вопроса о происхожденіи ирландскаго языка.

Точно такъ же образцы древне-ирландскаго народнаго искусства, какъ, напр., вышивки, рисунки и т. п. поражаютъ также особой своеобразностью и имѣютъ иногда поразительное сходство съ образцами древне-русскаго искусства. Многие народныя обычаи и вѣрованія ирландцевъ также носятъ нѣкоторое сходство съ древне-русскими вѣрованіями.

Всѣ эти данныя ставили въ тупикъ большинство историковъ-ислѣдователей Ирландіи и только недавно англійскій историкъ Робертъ Денлопъ на основаніи своихъ долготѣхнхъ изслѣженій пришелъ къ заключенію, что древніе предки современныхъ ирландцевъ были, безъ сомнѣнія, скифскаго происхожденія, т.-е. родственные славянамъ.

Денлопъ говоритъ, что въ глубокой древности одинъ горный народъ скифскаго происхожденія, покинувъ кочевой образъ жизни, оставилъ мѣсто своего первоначальнаго жительства между Ураломъ и Алтайскими горами и занялъ равнины около Каспійскаго моря. Отсюда одна вѣтвь этого народа, повидимому, направилась на югъ, въ долину рѣки Евфрата, другая, къ которой относятся пелазги, этруски и иберы, хлынула на западъ и заняла Грецію, Италію и Испанію; третья (финно-угры) заселили по побережью Балтійскаго моря и сѣверо-востокъ Европы.

Иберійцы, двигаясь постепенно вдоль берега Атлантическаго океана, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій достигли и острова, который носитъ теперь названіе Ирландіи. Съ другой стороны, скифскія племена могли проникнуть въ Ирландію и черезъ Скандинавію. Первые поселенія иберовъ въ Ирландіи были по берегамъ острова, а затѣмъ пришельцы постепенно углублялись въ лѣсистой внутренности острова. Будучи народомъ по преимуществу пастушескимъ, иберы были знакомы также съ мореплаваніемъ и земледѣліемъ.

Позднѣе (около 400 лѣтъ до Р. Х.) съ юга Европы на сѣверъ двинулись волны другихъ племенъ, а именно, кельтовъ, которые также проникли въ Ирландію и, смѣшавшись здѣсь съ иберами, образовали впоследствии одну націю—кельто-

иберовъ. Языкъ кельтовъ постепенно вытѣснилъ языкъ иберійскій и, въ концѣ-концовъ, кельтическій элементъ повсюду одержалъ верхъ. Однако нѣкоторыя черты народной психологіи сохранили слѣды древнихъ обычаевъ первыхъ поселенниковъ Ирландіи иберовъ, и до сихъ поръ еще ирландцы многими сторонами своего національнаго характера подходятъ болѣе къ восточнымъ народамъ, чѣмъ къ западнымъ.

н. л.

ОБО ВСЕМЪ И ОТОВСЮДУ.

Новое Лѣсное общество. Въ первые дни русской революціи на Уралѣ основалось новое Лѣсное общество, объединяющее всѣхъ лѣсныхъ труженниковъ и всѣхъ гражданъ, интересующихся лѣсными вопросами. Въ программу дѣятельности общества, кромѣ изученія лѣса и лѣсного хозяйства, включены и вопросы воднаго хозяйства на томъ основаніи, что въ природѣ вода и лѣсъ неотдѣлимы и находятся въ зависимости другъ отъ друга.

Цѣли новаго лѣсного общества заключаются въ изученіи способовъ использования и охраны лѣсовъ и водъ, въ развитіи лѣсного, воднаго, рыбнаго и охотничьяго хозяйства въ Уральскихъ общественныхъ государственныхъ и частныхъ лѣсахъ и, наконецъ, въ объединеніи представителей лѣсныхъ профессій на основахъ самостоятельности и взаимопомощи.

Уставъ общества предусматриваетъ, между прочимъ, устройство собраній, лѣсныхъ сѣздовъ, выставокъ, лекцій, учрежденіе питомниковъ, организацію древо-насажденія въ городахъ и школахъ и пр. Ближайшими задачами общества является устройство бюро труда для посредничества между лѣсными дѣятелями и предприятиями и технического бюро по вопросамъ земельно-лѣсному и водному. Общество издаетъ журналъ «Лѣсъ» и въ ближайшемъ будущемъ намѣрено приступить къ устройству собственной библиотеки-читальни.

Стремясь объединить возможно большее число гражданъ, интересующихся лѣснымъ дѣломъ, новое лѣсное общество приглашаетъ всѣхъ, желающихъ вступить въ число его членовъ, присылать заявленія въ бюро и распространять свѣдѣнія о задачахъ и цѣляхъ общества. Новое лѣсное общество стремится стать народнымъ въ широкомъ смыслѣ слова и въ сочувствіи народа видитъ залогъ успѣха своей дѣятельности. Уставъ общества высылается по первому требованію. Адресъ общества и редакціи журнала «Лѣсъ»: Екатеринбургъ, Гимназическая набережная, «Новое Лѣсное общество».

х. п.

Гигантскій прожекторъ. Въ Бруклинѣ успѣшно производились опыты надъ построеннымъ американскимъ инженеромъ

прожекторомъ. Эта гигантская лампа даетъ свѣтъ въ 1280 миллионъ свѣчей; ея свѣтъ въ хорошую погоду ясно виденъ на разстояніи 100 миль, а въ 35 миляхъ всѣ предметы освѣщены вполне отчетливо. Такая сила свѣта достигнута тѣмъ, что, кромѣ раскаленнаго угля вольтовой дуги, использованъ сильный свѣтъ отъ раскаленныхъ паровъ. Новый прожекторъ можно смѣло назвать величайшимъ въ мірѣ. Его постройка вызвала огромный интересъ въ техническихъ и научныхъ кругахъ. х. п.

Практичность латышей. Русскимъ людямъ пришлось теперь ближе познакомиться съ однимъ изъ народовъ Россіи—латышами. Латыши—народъ честный, трудолюбивый и культурный. Куда бы вы ни заглянули въ хозяйство латыша, вездѣ и всюду вы замѣчаете трезвость, практичность, продуманность при веденіи имъ хозяйства.

Васъ поражаютъ прекрасныя дороги, въ большинствѣ случаевъ обсаженные деревьями, обиліе насосовъ и колодцевъ, примѣненіе простѣйшихъ дешевыхъ конныхъ приводовъ и т. д.

Особенно удивляетъ и восхищаетъ чрезвычайное обиліе посѣва и посадокъ клубней и корнеплодовъ. Чудные цвѣты составляютъ красивый коверъ, дома утопаютъ въ зелени, среди вьющихся цвѣтовъ около усадебъ.

Кооперативы и древонасажденіе. Любопытнымъ образчикомъ активной роли, которую кооперативы уже обнаруживаютъ въ разныхъ сторонахъ сельской общественной жизни, является роль ихъ въ организаціи древонасажденія въ нашей деревнѣ, представляющей обычно такую унылую картину. Такъ, Ново-Алексѣевское кредитное товарищество, Уральской области, приобрѣло въ лѣсничество посадочнаго матеріала, въ томъ числѣ много фруктовыхъ деревьевъ, на сумму около 1000 руб. На этотъ разъ деревья будутъ распределены между членами товарищества для посадки во дворахъ. Въ будущемъ же сезонѣ правленіе товарищества предполагаетъ посадить рядъ деревьевъ вдоль улицъ поселковъ, а Ново-Алексѣевское сельское общество выразило желаніе отвести обширное мѣсто для устройства парка.

х. п.

Вліяніе войны на наименованія. Война имѣетъ подавляющее вліяніе на всѣ стороны жизни. Вполнѣ естественно, что она оказываетъ воздѣйствіе и на ту область практической жизни, которая выражается въ потребности давать новыя имена разнымъ предметамъ нашего обихода. Въ Россіи это явленіе выразилось въ переименованіи столицы, а во Франціи выражается въ томъ, что новымъ вилламъ, пароходамъ и даже баркамъ даютъ имена, сыгравшія роль въ войнѣ. Вокругъ Парижа появились виллы, въ родѣ «Галиціи», «Москвы», «Сербіи»; на Сенѣ плаваютъ барки съ такими, напримѣръ, именами, какъ «Генералъ Рузскій». Наиболѣе модными въ Парижѣ считаются имена бельгійскаго короля и его героической супруги.

х. п.